

Если вино — это песня, то о том, как коротка человеческая жизнь.

Вино — из старого погреба в Лучжоу, песня — Желтые Сливы Аньхой.

Человек — дракон среди людей.

В огромном зале сидит только один человек и полностью наряженный выступающий актер. Под рукой расставлено не так много фруктов, зато была гроздь кристально сверкающего винограда, от которого у людей с первого взгляда текли слюни. Под виноградом лежал тонкий слой льда.

В шестом месяце лед еще более искрящийся, чем виноград.

Семья Фэн, не уступает в богатстве семье Бай, но явно более благородная, поэтому нет никого, кто мог быть недовольным этим новым главой союза Улинь. Рестораны семьи Фэн повсюду, их ежедневный доход неизвестен. Что может быть роскошнее? Кроме того, этот человек рожден, чтобы пользоваться благами от других.

"Ночь без сна, в тоске и тревоге, я появился, скрывая следы. До сих пор вижу яркие цветы на солнце..."

Танец на сцене плавный и изящный, но Фэн Лун поднялся на ноги.

— Молодой господин?

— Надоело, пойду прогуляюсь, — сказал Фэн Лун на ходу. — Не ходи за мной.

— Да.

Заполнившие зал песни и танцы остались за его спиной.

Прогуливаясь по саду, где бабочки соперничали за цветы, и подходя к ручью, ведущему к воде, Фэн Лун чувствовал себя беззаботным. Казалось, его тоскливое настроение улучшалось.

Он вдруг остановился.

Едва различимый стон донесся от стены. Мелодичный и соблазнительный, он заставлял других предаваться грезам.

Глаза Фэн Луна ярко вспыхнули, одним прыжком он перелетел через стену высотой в целый чжан*, и опустился снаружи, в бамбуковой роще.

*П/п: чжан - 3,33м

И впрямь, кто-то есть. Как нарочно у ног Фэн Луна.

Одежда цела, но волосы растрепаны. Лицо покраснелось, нежные белые кончики пальцев крепко сжали одежду на груди, белые зубы прикусили обескровленную нижнюю губу, будто он страдал от боли.

— Это ты! — испугался Фэн Лун, падая на колени около стонущего. — Шаоцин, брат, что случилось?

— Нет, не приближайся ко мне, — Бай Шаоцин нахмурился.

Как можно не хмуриться? Он ждет здесь уже три дня. Оказывается великий молодой господин семьи Фэн нечасто гуляет в саду на заднем дворе.

— Шаоцин, ты ранен? — схватив тонкое запястье, он затих, считая дыхание, и его густые брови приподнялись. — Тебя отравили?

— Я не знаю этого человека, — казалось, Бай Шаоцин не мог вынести мучений, извиваясь и сопротивляясь на руках Фэн Луна, его белое лицо покраснело, будто к нему прилила вся кровь. Он вдруг уцепился за руку Фэн Луна и произнес дрожащим голосом: — Брат, почему они делают это со мной? Я... я... я им мешаю?

Фэн Лун посмотрел на выражение лица Бай Шаоцина и испуганно замер. Внезапно придя в себя, на его лице неизбежно появилось смущение.

Он вздохнул:

— Ты слишком хорошо выглядишь. Это любовное зелье, и похоже его действие очень сильное. Странно, как кто-то осмеливается творить пакости за стеной дома Фэн... — он сделал паузу. — Шаоцин, боюсь этот человек хотел оскорбить не только тебя, но и доставить неприятности моей семье.

— Любовное зелье? — действие зелья усиливалось, тело Бай Шаоцина обжигало как огонь, а глаза стали еще более очаровательными. Гибкая талия непрерывно терлась о тело Фэн Луна, он уже не мог удержаться от стонов: — Тогда... тогда что делать?

Фэн Лун недоуменно покачал головой:

— Отрава слишком мощная, боюсь, это не обычное любовное зелье.

Бай Шаоцин восхитился. Это священный предмет Учения Любви из Юньнаня, был найден и использован специально для Фэн Луна. Когда он ее проглотил, ощущение весны* было таким сильным, что даже он едва мог его вынести.

*П/п: Весна - синоним влюбленности, желания, и похоти.

— Брат, помоги мне! — воскликнул Бай Шаоцин и жалобно оперся на тело Фэн Луна. Его черные волосы насквозь пропитались потом.

Обольстительная красота, волнующая и тревожащая сердце.

Если ты не возьмешь меня, я умру от обратного кровотока.

Хотя Бай Шаоцин всегда презирал распутных мужчин, но сейчас он не мог не испугаться, что Фэн Лун окажется слишком порядочным и не станет пользуясь пожаром, заниматься грабежом*. Если не удастся ослабить действие отравы, разве это не будет причинением вреда самому себе?

*П/п: Извлечь для себя выгоду

К счастью, Фэн Лун не колебался.

— Не бойся, брат с тобой, — держа Бай Шаоцина на руках, двигаясь с помощью цингун, он несколькими прыжками бросился к спальне.

Толчком распахнув дверь, он уложил Бай Шаоцина на большую и красивую кровать.

Бай Шаоцин протянул руку, будто неосознанно притягивая Фэн Луна за пояс.

— Брат...

Его губы уже были искусаны до крови, и сейчас они были очаровательно ярко-красными.

Всегда горящие глаза Фэн Луна тоже казались растерянными и он опустил голову. Обжигающий жар пролетел от щеки до губ Бай Шаоцина.

— Шаоцин, ты весь горишь.

Бай Шаоцин не обратил внимания. Ослепительно улыбнувшись, он застонал:

— Да, мне очень жарко. Брат, не уходи.

— Это любовное зелье слишком мощное, боюсь от него нет лекарства, кроме соития.

В таком случае давай!

Однако Фэн Лун не заметил нетерпения в глазах Бай Шаоцина и продолжал говорить глубоким голосом:

— Сила любовного зелья заключается в том, чтобы ограничить действие лекарств с помощью ци инь и ян. И мужчинам и женщинам требуется больше всего энергии ян для нейтрализации яда. Даже если я найду женщину для соития, это делу не поможет. Такому яду нужен мужчина.

Чем больше слушал Бай Шаоцин, тем больше злился. Священное лекарство Учения Любви совсем не пустяк. Ему и так было трудно проглотить его, а тут еще Фэн Лун объяснял ему то, что он и так знал.

Протянув руку, чтобы обнять Фэн Луна за шею, Бай Шаоцин сдержал свой гнев и тихо прошептал:

— Я все это знаю. В таком случае, брат, пожалуйста, одолжи мне ци ян. Это то, о чем просит Шаоцин, старшему брату не нужно смущаться.

За всю жизнь он впервые умолял кого-то о помощи.

Он скрипнул зубами. Если бы не изумрудный меч у твоего пояса, я...

— Это совершенно исключено, — Фэн Лун неожиданно покачал головой. — Брат прозрачный как лед и чистый как нефрит, как может Фэн Лун сделать нечто подобное?

— Тогда старший брат хочет увидеть, как яд меня убивает живьем? — Бай Шаоцин наконец не выдержал и тихо зарычал. Но в раскрытые красные губы попало нечто и скользнуло в горло.

Фэн Лун слабо улыбнулся:

— Шаоцину действительно повезло. Это семя кровавого лотоса родилось в жерле вулкана и

насыщенно ян. Редкое сокровище. Старший брат купил его несколько дней назад за большие деньги. Как раз вовремя, чтобы решить проблему младшего брата. Шаоцин, тебе уже лучше?

Это было правдой. Проглоченное семя кровавого лотоса вспыхнуло потоком тепла, который столкнулся с кипящим в теле огнем страсти, и неожиданно они нейтрализовали друг друга, принося легкость.

Извивающееся тело Бай Шаоцина постепенно остановилось.

— Есть два семени кровавого лотоса. Одно только что нейтрализовало яд младшего брата, осталось еще вот это. Брат, возьми его с собой, — Фэн Лун взял Бай Шаоцина за руку и вложил в его влажную ладонь семя кровавого лотоса. — Шаоцин, брат, позволь сказать тебе неприятную правду. Твоя внешность слишком прелестная, а люди Цзянху слишком опасны и среди них много любителей мужчин. Ты постоянно учишься вдали от дома, и не знаешь боевых искусств, поэтому неизбежно столкнешься с плохими людьми. Держи семя при себе, на случай, если тебя снова отравят.

Напрасно потратил любовное зелье, раздобытое с таким трудом. Лицо Бай Шаоцина на некоторое время покраснело, и потребовалась целая вечность, прежде чем он неловко сказал:

— Спасибо, брат.

— Старший брат знает, что у тебя на сердце, — Фэн Лун похлопал по изумрудному мечу на поясе и с ненавистью произнес: — Это дело, старший брат поможет тебе отомстить. Ты помнишь его лицо?

Все дело было испорчено, и настроение Бай Шаоцина стало прескверным. Выражение его лица соответствовало тому факту, что его отравили, так что все совпало.

— Не помню, — он в растерянность склонил голову. — Тот человек закрыл лицо и ничего не говорил.

Темное облако вдруг напозло на прекрасное лицо, некоторое время покружилось, пролетело под карнизом дома, и задержалось у освященного окна.

Как можно не жалеть такого человека?

Фэн Лун некоторое время смотрел на него, и потом мягко сказал:

— Шаоцин, останься в доме Фэн на несколько дней, хорошо?

— Нет! — глаза Бай Шаоцина все еще были опущены, — Я уже привык носиться по волнам, здесь мне будет неудобно.

— Оставайся! — Фэн Лун протянул руку и легонько сжал его плечо. Его глаза были искренними и наполнены добротой, заставляя невольно ощутить, что даже если вы дадите этому человеку самую большую и тяжелую ношу в мире, для него это будет полнейшим пустяком.

Фэн Лун вздохнул:

— Я знаю, ты устал.

Сердце Бай Шаоцина вдруг по неизвестной причине задрожало.

Долгие годы двойной жизни, долгие годы унижений, долгие годы с риском для жизни, долгие годы лечения мелких и крупных ран в глуши в полном одиночестве. Трудно поверить, что однажды в его сердце возникнет такая дрожь.

Он внезапно поднял голову и его ясные глаза устремились на Фэн Луна. Он увидел глаза, еще более ясные, чем его собственные.

Не только ясные, но еще решительные и хладнокровные, внимательные и великодушные.

— Старший брат, — ему вдруг захотелось плакать.

Слезы Бай Шаоцина никогда не текли так легко, и только когда он в этом нуждался, мог скупно пролить каплю. Его слезы никогда не пропадают зря, и каждый раз, когда срывалась капля, он завершает какое-нибудь дело, овладевает новым боевым искусством, или убивает человека, которого ненавидит.

Фэн Лун легко улыбнулся.

— Шаоцин, ты не устал? — он спрятал белые руки Шаоцина в своих ладонях. — Останься, не поздно будет пуститься в путь, после того как отдохнешь.

Слабый ветерок задувал в окно.

Бай Шаоцин тихонько убрал слезу. Несмотря на то, что его глаза оставались влажными, влага не проливалась наружу.

— Спасибо, брат.

Наконец он слегка кивнул.

Дом Фэн находится не на краю света, хоть и называется Тянья, но это просто прекрасное горное поместье.

Бай Шаоцин пробыл за пределами поместья три дня, едва не соблазнил Фэн Луна, и стал гостем Тянья.

— Шаоцин, почему ты всегда носишь черное? У семьи Фэн есть свой магазин шелка. Пойдем, позволь старшему брату подобрать тебе новую одежду. Думаю, белый цвет лучше всего подойдет братику.

— Старший брат, не забывай, белый цвет могут носить только наследственные ученики семьи Бай. Шаоцин с самого рождения не имел права облачаться в белое, и не имел права входить в зал для тренировок семьи Бай.

Фэн Лун расхохотался и смело сказал:

— Ты мой брат, неужели до сих пор нужно терпеть эту ерунду?

Он схватил Шаоцина за руки и сказал глубоким голосом:

— Старший брат всего лишь спрашивает, нравится ли тебе это. Если ты хочешь это носить, я

помогу изготовить ее на заказ. Хотел бы я посмотреть на того, кто осмелится болтать.

Ощущение, что рядом кто-то стоит, совсем другое.

Пустые зрачки Шаоцина слегка повернулись.

Очень скоро, нужно быть начеку.

Не стоит забывать, летучие мыши всегда черные. Они летают в темноте, выслеживая людей кроваво-красными глазами.

— Брат, я все-таки хочу носить черное. Черное — это хорошо, его нельзя испачкать. Нет, не так, даже если он испачкается, этого не будет видно...

Рядом с прудом около Танья ивы еще лучше, чем у озера Тайху, зеленее, чем у озера Тайху, и еще прекрасней, чем у озера Тайху.

Бай Шаоцин стоял рядом с ивами.

Одежда по-прежнему черная, но изготовлена из шелковой ткани; обувь по-прежнему черная, но на ногах такое неопишное ощущение комфорта, достойно лучших рукодельниц семьи Фэн.

— Я правда сильно устал? — спросил Бай Шаоцин.

Рядом никого не было, он спросил сам себя.

Он уже три дня находится в семье Фэн, а всемирно известный изумрудный меч висел на поясе Фэн Луна, и болтался перед глазами Бай Шаоцина.

Те две всемирно известные руки любили легонько похлопывать его по плечу. Фэн Лун, Фэн Лун, он приносил для Бай Шаоцина еду, сопровождал Бай Шаоцина на спектакль, и разговаривал с Бай Шаоцином о делах в Цзянху под луной. Все лицемерие, которое Бай Шаоцин так презирал, было совершено Фэн Луном, но все было правдой, как плывущие облака и текущая вода, без притворства.

Один день, один день, другой день.

Не прошло и трех дней, а он, похоже, уже привык видеть Фэн Луна, слышать его голос, смотреть на его танец с мечом.

Подобные чувства обыкновенных людей, неожиданно разливающиеся в груди, почти коснулись застарелых шрамов.

— Слишком устал...

Устало сердце. Уставшему сердцем человеку нельзя отдыхать. Чем больше он отдыхает, тем больше устает. Чем больше отдыхает, тем меньше желания уходить. Чем больше отдыхает... Тем меньше хочется думать обо всех кровавых и совсем не светлых перспективах.

Бай Шаоцин понимал, что эти три дня он хорошо спал. Кошмар, который преследовал его с детства, больше не появлялся.

Дом Фэн неплох, но есть проблема — изумрудный меч.

— Эх... — он вздохнул.

Позади вдруг тоже раздался вздох. Бай Шаоцин испуганно вздрогнул и, обернувшись, увидел Фэн Луна.

— Старший брат.

— Шаоцин, ты опять вздыхаешь, — упрекнул Фэн Лун. — За эти три дня, когда ты приходишь к ивам, начинаешь вздыхать. Я уже начал задаваться вопросом, не хочешь ли ты их срезать.

— Старший брат любит подшучивать, — Бай Шаоцин повернул голову, пропуская ивовые побеги сквозь длинные нежные пальцы и со смехом произнес: — Такие хорошие ивы не нужно срезать.

Он был такой красивый, с легкой улыбкой, даже его тело будто слабо сияло.

Фэн Лун смотрел на него, уже немного очарованный.

Бай Шаоцин вдруг заговорил:

— Брат, я хочу уйти.

— Что? — удивился Фэн Лун. — Почему? Ты прожил всего три дня.

Три дня уже достаточно. Если я останусь, боюсь, уйти будет тяжелее.

— Трудно перейти от роскоши к бедности, — равнодушно произнес Бай Шаоцин. — Старший брат слишком любезен, я не смею оставаться.

Некоторое время в молчании разглядывая Шаоцина, Фэн Лун тяжело вздохнул и тихо сказал:

— Шаоцин, ох, Шаоцин... Ты такой незаурядный, великодушный от природы, во всем мире нет никого, кто мог бы сравниться с тобой. Такой человек как ты, должен жить в роскоши и крепкой любви.

— Ха-ха, старший брат, я не заслуживаю похвалы, — Бай Шаоцин покачал головой. — Бай Шаоцин полагается на свои ноги, чтобы путешествовать за тысячи миль, изучать мир, свободно и независимо. К чему мне роскошная одежда и изысканные деликатесы?

Фэн Лун замер, глядя в глаза Бай Шаоцина, по-видимому не в силах с ним расстаться.

— Ты правда хочешь уйти?

— Да. Сегодня ночью я снова выпью со старшим братом, а завтра мы распрощаемся.

Сегодня я воспользуюсь опьянением, чтобы украсть меч. Независимо от того, добьюсь я успеха или нет, все будет кончено.

— Опять пить?

Бай Шаоцин тепло улыбнулся:

— Брат, не жалея хорошего вина.

— Шаоцин, алкоголь вредит здоровью. Твой организм слишком слаб, лучше пить поменьше. Послушай старшего брата, мы не будем пить, — Фэн Лун вдруг опустил голову, отвязал от пояса изумрудный меч и потянул его Бай Шаоцину. — Этот меч называется Билу*, старший брат дарит его тебе.

*П/п: Изумрудный, зеленый, вот так просто.

Изумрудно-зеленый клинок, кристально чистый и теплый.

Бай Шаоцин был потрясен, не решаясь поверить в это.

— Билу?

— Ты не человек Цзянху, поэтому неудивительно, что этот меч тебе незнаком, — мягко сказал Фэн Лун. — Но у этого меча немалая репутация в Цзянху. Хоть он и не волшебный, но все равно очень острый. Шаоцин, держи его при себе, на случай, если поссоришься с кем-то. Увидев меч Билу, люди из внешней семьи Фэн изо всех сил постараются помочь тебе.

— Нет-нет, этот меч настолько важен, Шаоцин не может его взять.

Пока он отказывался, драгоценный меч впихнули ему в руки. Судя по его теплу, похоже он и впрямь изготовлен из тысячелетнего нефрита.

— Возьми его. Просто относись к этому как... — Фэн Лун на мгновение заколебался, прежде чем быстро развернуться. Даже со спины он казался немного приунывшим. Вздохнув, он сказал: — Представь, что старший брат с тобой.

Изумрудный меч в руках внезапно потяжелел.

Вы уже здесь? Значит хорошо пошло, убедитесь, что поставили звездочки переводу, разумеется, самые лучшие))

<http://bllate.org/book/15169/1340537>